

Послание, строго выдержанное в принятых феодальным обществом религиозно-идейных канонах: «подобает Писанием извещатися в делех своих и не кроме божиих словес начинати что и творити, и того ради испытовати божия Писания прилежно, да не угайтца польза человека в божиих книгах и да научитца оправданием господним» (л. 197 об.).

И тут выясняется, что в «божественных писаниях» Зиновий вычитывает нечто отличное от Шишкина. Прежде всего для него неприемлем самый образ богословствующего дьяка. Зиновий пишет: «А на судиях господь бог иного не ищет ничего точию суда праведна» (л. 198). Зиновий не дает повода никаким кривотолкам: «Смотри, государь, божия оправдания: не ищет господь правила (т. е. канона,— А. К. и В. К.) или поста хощет или уединения у властей людских, но точию суда и правды и милости» (л. 198). Зиновий указывает «кесарю» на его область «кесаревого»: суд, правда, милость. Что же касается канонов, постов, отшельничества («уединение»), то это область божественного и она составляет принадлежность монахов, самого Зиновия, людей его круга. «И сам господь во евангелии,— продолжает Зиновий,— бранит на израильтяны, что они о дарех и о постех и очищенных пекутца вящая, рече, закона, остависте суд и милость и веру» (л. 198).

Только одного «господь просит у властей», а именно: «творити ему суд и правду и любити милость» (л. 198 об.), власти же «человек судити не хотят во что поставлени», а вступаются во что не поставлены: «К такому господь глаголет Исаием пророком: Поста вашего и правдников не хошу и приношения ваша ненавидит душа моя» (л. 198 об.).

Можно указать на параллели, существующие между идеями Послания Шишкину Зиновия Отенского и «Словом о неизглаголенном божии промысле...» Максима Грека.

В названном «Слове» Максим Грек развивает тему о праведном суде. Он обличает сребролюбие и лихоимание («посылаемым от благовернаго царя во граде судиям и анфипатом (*συνδοπατος* — проконсул; по-видимому, Максим Грек пишет о наместниках)»,⁵¹ т. е. именно ту категорию лиц, к представителю которой обращено Послание Зиновия. У Зиновия сказано, что ни следования канонам, ни соблюдения постов не требует бог от властей, но «точию суда и правды и милости», подобно тому как мы читаем у Максима Грека, что властям бог «ни едину ину добродетель свою, ни день, ни бдение всенощное, ни молитву многосрочну, ни слезы предлагает на умоление страшного Судии, но точию сие, что правым судом и правдою судил уверенным ему людем Божиим».⁵²

Эта идея прочно входила в литературный обиход Максима Грека, и в другом своем сочинении — Послании царю Ивану Васильевичу — он еще определенной писал: «Да ничтоже предпочтеш паче правды и суда царя небеснаго... Добро убо, добро воистину и вельми спасительно молитва и пост!.. Но аще лишатися прежде реченных выше добродетели, аки ничтоже вменяются пред праведным Судиею».⁵³

Возвращаясь к личности Я. В. Шишкина и отношению к нему Зиновия, отметим, что недовольство Зиновия имеет в виду вмешательство государева дьяка, мирского человека, в «духовные» дела, что позволяет предполагать намек на практику вмешательства со стороны Шишкина в область феодальных привилегий церкви.

⁵¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, Казань, 1860, стр. 199.

⁵² Там же, стр. 210.

⁵³ Там же, стр. 348—349.